

Перед грозой

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК*

На пороге пятидесятилетия Великого Октября мы с гордостью откладываем путь, пройденный страной. От первых стачек, от первых революционных схваток до покорения космоса! Этот путь может быть измерен только мерой беспримерного народного геризма и великой мудрости Коммунистической партии.

Исторические события, происшедшие в стране за минувший период, характерны для Алтая. Авторский коллектив приедакции газеты «Алтайская правда», в который входят историки, писатели, журналисты, поставили целью воссоздать историю завоевания и становления Советской власти на Алтае в виде единого документального повествования. В ней будут отображены основные события, произошедшие за период с 1905 года до наших дней. В повести будет рассказано о выдающихся участниках революционной борьбы, о героях гражданской войны, о самоотверженных борцах за индустриализацию и колхозификацию.

Авторский коллектив, отдавая себе отчет в трудности поставленной задачи, рассчитывает на активную помощь и сотрудничество общественности. Мы просим всех читателей, располагающих документами, фотографиями, относящимися к дореволюционному прошлому Алтая, периоду гражданской войны и первых послереволюционных лет (1905—1925 годы), ознакомить с ними редакцию. Ведь вполне может быть, что отдельные лица и события, заслуживающие внимания, оказались забытыми. Между тем,кажется новый прищепок в истории делает ее ярче, помогает лучше обмыслить минувшее и полнее оценить настоящее.

Повесть будет писаться разными авторами по ходу накапливания и изучения исторических материалов. Начинаем ее публикацией первой главы — «Перед грозой» — о событиях 1905 года в Барнауле.

1.

Алеха вернулся в Барнаул из под самого Ичменя. До Новониколаевска доехал на чугунке, а там — где пешком, где на розыльниках. Принес к своей Василисе — она баньку снимала на отгороде, — вытинул вперед беспалую руку и сказал недовольно:

— Видела? Вс...

Лицо у Василисы померкло.

— Да как же ты, убитый, теперь работать будешь?

Алеха скинул шинель в угол полка, присел на черную табуретку — сам когда-то изладил, — вяко, навел плечами.

— Подай парку, Василиса. Чтой-то зобит.

Василиса черпала уха ковшом из ведерка, хлестнула в устье банной печурки, — под копченным потолком пополз густой сизый пар.

— За такие слова — знаешь?

— рассердился Алеха.

— Известное дело, — согласно кивнул сосед. — А ты их запомни, на всякий случай. Пригодятся.

2.
Город утонул в сумерках. По всей Заячей головным брюхом валились собаки. Было холодно и пустынно. По улице Кузнецкой*, оглядываясь и вслушиваясь в темноту, шел человек. Возле Первого Прудского замедлил шаг, подошел к светящемуся окошку и дробно постучал.

— Кто там? — послышалось сквозь занеделевое стекло.

— Здесь живет Васильев, Александр Денисович?

— А вы кто будете?

— Из Томска.

Брякнула школка. Два темных силуэта безмолвно протиснулись в темные сени. Пятилинейная лампа, подбросив коптильный язычок, погнала по стене неуклонение тени. Пахло пеленками и натопленной печкой.

Гость разделился, присел к столу, вытер большим платком мокрые лоб.

— Будем знакомы: Михайлов.

К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Николай, а по батюшке Андреевич.

— Студент? — поинтересовалась хозяйка, окинув взглядом форменную куртку.

— Совершенно верно. Состою слушателем медицинского факультета. В лекарии готовлюсь.

Голова у Михайлова — в шапке густых, буйных волос. Взгляд — глубокий, бледничий.

— В лекарии, — повторил он. — Самая нужная сейчас специальность.

— А что, опять какая-нибудь холера?

— Хуже. Главная холера — на троне сидит.

— Обожди малость. — Хозяин встал и накинул на плечи борчатку. — Я сейчас.

Вышел, покрумкал пимами возле избы, вернулся.

* Улица Гоголевская. В этом районе Барнаулская организация РСДРП имела несколько ячейочных квартир.

Вспомнилось, как вступил в РСДРП, как стал членом группы пропагандистов Томского комитета. Был на всех сибирских конференциях партии — Омской, Челябинской, Красноярской. Был партийным организатором и пропагандистом среди рабочих железнодорожного депо станции Тайга, в Новониколаевске, Ачинске, Челябинске, Томске. И вот теперь ему дано поручение — объединить разрозненные марксистские группы в Барнауле и создать здесь комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Трудно?

Румяный толстячок ехидно ухмыляется и сует в карманы золотые империали. Дремота чутко коснулась и вновь отлетела.

— Да, трудно. Трудно докончать тебя, толстяк. А докончаем.

В Барнауле Михайлов бывал наездами несколько раз. Он знает этот городок с песчаными

— Не беспокойтесь, я ведь легальный, — понимающе заметил гость.

— На всякий случай, — подмигнул хозяин. — Для верности. Он вскипал чай, положил на сколько кусочков сахара на щербатое блюдечко и тоже присел к столу.

— Значит, из Томска?

— От комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

— Знаю. Наведаюсь. Места у нас тут смиренные, сам вахмистр Маландин не уследит.

— Что еще за птица?

— Есть такая.

— Строгости, значит, пошли?

— Так ведь в народе бурият помаленьку. Жить тяжко. Работой калечат, войной калечат... Ты мне скажи, — хозяйка подала лицом к гостю. — Просиши когда-нибудь или нет?

— Послес грозы.

«Алтайским» и с воинской грязью от «Подгорной») до самой Пушкинской, где чистенькие барчики поддергивали брюки, чтобы не замараться. Городок чиновников кабинета его величества и купцов, безвыездно здесь живущих, жрецов и заканчивавших земную юдоль под беломраморными плитами на нагорном кладбище. Городок работного люда — пимокатов, шубников, водников и мелких ремесленников. Вот этот второй Барнаул — угрюмый, с патружными руками, голодный и болосний, надо было объединить в одну силу.

Это была очень сложная задача. Пролетариат рассеян, распылен по маленьким мастерским. По 10—15—25 человек работают у братьев Ленинских, у Малиновых, у Новокрещенова. Одни только купец Поляков въезжал завод на сто двадцать пимокатов да полстоти шубников.

Много придется поработать тебе, студент Михайлов, посыпец партии, созданной бывшим казанским студентом Владимиром Ульяновым!

3.

Головы разламывало по-понедельничному. В большой деревенской казарме, провоинившей шерстью и кистлотой, с пола и изпод нар поднимались фигуры с зелеными лицами. Вчера по слуху масленицы хозяйин Поликаров выдал на водку — здорово чубурахнули. Пили там же, где валились шерстя, потом ходили к зажигательным — помогать быть нагорных. Свиридо дрались на приду — сперва кулаками, потом выломили стяжки из заборов.

И вот теперь, в черных предутренних потемках, отпиваются холодной водой из байдек и расселяясь вспоминали:

— За что мы их, братцы, так?

— А пусты не гаесят.

Минкин, хозяйственный любимчик, тут как тут. Лицом — сморчок, алюка и ябедник, он в субботе добредет, в воскресенье ходит в обнимку с пимокатами, а в понедельник сурвал и понукал:

— Скорейча, скорейча!

Начиналась неделя, долгая и паршивая. Шерстобиты, крахти, берут березовые луки с туто пятиными струнами из бараньих кишок и принимаются метично колотить шерстя — бумбум! Лучок гудит, шерстяная пиль вздымается душным облачком, зудит в ноздрях. Машут с пияти утра до девяти вечера, день за днем, всю неделю. Люди, пришедшие в жизнь только за тем, чтобы не сколько миллионов раз взмахнуть березовым лучком, а по воскресеньям свинеть, когда было на то.

В зимнюю пору не все уходили домой почевать — и время бегрели, и обувку.

День отмали, руки — хоть мой, хоть не мой. На всю жизнь въелась кислота с шерстяной пилью. Возмешь в рот кусок хлеба — валенок отдаст.

* Улица Мамонтова.

И. ШУМАНОВ.

Отужинали. Подстали на верстак грязный «повал», под голову — пимы.

В стороне палил лампу. Несколько человек собрались кружком, посередине — «князь Кутепов». Так звали старого пимоката М. М. Биценкова за его окладистую бороду и представительную фигуру. Сегодня Кутепов читает про Стеньку Разина. Стеньку по душе пимокатам. Доведись ему с Поляковым встретиться — повесил бы жадину на первом сучку. Поляков вложил большие деньги в «новый завод» и теперь спешит их вернуть; «Скорейча, скорейча».

Иван Шуманов, молодой, в расстегнутой косоворотке, поглаживает тонкие усики.

— Огромная сила — народ, — задумчиво говорит он. — Кто против него устоит, когда он подунеденится? Одним пальцем мууху не пришибешь, а сожми все пальцы — бываю повалишь.

Шуманова уважают. Он учится в воскресной школе и о мыслем умеет говорить как-то по-своему. Архипу Селезневу вспоминается случай: всем мастерской просили хозяйин накинуть по пятачку на пару пимов. Щеки у Полякова заколыхались, как студень. Но сделалась он ласковым, мило пущившимся.

— Дорогущи! Верите — последнее рад отдать.

И пимокаты шутили:

— Последнего не надо, нам только по пятачку.

Шутотками-прибаутками, а добились тогда Селезневу в хозяйственной улыбке трусивая дрожь.

— Это ты в тютельку, — поддержал он Шуманова. — Сожмешь кулак — никакой Поляков не устоит.

Шуманов пристально взглянул на пимоката. Надеин сказал:

— Глаза у тебя правильно видят. Хочешь, чтобы зорче смотрели?

— Ну?

— Пойдем со мной в то воскресенье чай пить.

(Продолжение следует).

Н. МИХАЙЛОВ.

Перед грозой

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК*

(Продолжение. Начало в № 156).
4.

«Заячье» или «Зайчанская» называлась часть Барнаула, начиная от Первого Прудского и дальше, к лесу. Называлась так потому, что селились здесь самовольники, вопреки закону о заселении царской земли. Селились вдамы, отсюда и «заячья».

Жила «Заячья» и тихо, и буйно, со слезами, и под гармонь. До полусмерти, а то и до смерти дрались с нагорными, подожгиваемая шлангом. Колопотатила и своих, а потом заунывно тщупала своеадельскую песню про Чеснока и Ромашку, которых «ворсмиски» ребята ножом покололи.

Так что никого не удивляли вечеринки в доме по Пятой Алтайской, на Шестом Прудском. И никому недоволено было, что на этих вечеринках не выпивалось ни капли вина. Зато отчаянно дымили махрой, пили жидккий чай и говорили о том, что во сне не снялось барнаульскому мещанину: о социальной мировой революции.

Сюда и привел Шуманов Архиля Селезнева.

Организатором революционных вечеринок был школьный учитель Иван Леонтьевич Симанин, человек трудной судьбы. Выходит из безземельных нижегородских крестьян, он еще в раннем детстве узнал, почем фунт лиха. Восьмилетним мальчишкой пас общественный табун, в трипнадцать лет работал водовозом в барнаульской пимокатне. Прямой путь ему был в пимокаты. Но мальчишке бредил школой. И как ни тяжко пришлось, а добился своего, устроился в городское училище и за два года прошел пятилетний курс. А потом, совсем по-ломосовски, собрал пожитки и с попутным обозом помчался в далекую Казань.

Здесь он впервые вдохнул грозовой воздух приближающейся революции. Будущий учитель, хотя и не постиг до глубины марксизм, но в нем бродил дух революционного бунтарства. Это был боец, пылкий и страстный.

По комнате ходили слизые клубы дыма. Ребяташи, свесившись с печи, с любопытством смотрели, как расплывался в тумане дрожащий язычок огня. Было тепло и жарко. Подавки, косоворотки и пиджаки плотно облепили стол. Симанин приструнил взглядом окинул комнату. Прибывает народу! Тянутся лю-

ди к вольному слову. Вон браты Шумановы и их друзья — пимокаты Фофоновы, Русских и другие.

Сидят и ждут, что новенько-го расскажут им сегодня учителя. Вон «пан Вильковский», ссыльный поляк, огромный, похожий на Илью Муромца. Вон Долгополов — переплетчик, сохранивший наследственные черты старообрядческую строгость права и склонность к подвижничеству. Лица возбуждены, глаза блестят. Будто видится им за каймой ангела косолапила дюжина пакостливых чертей. За-думал лекарь Шантин посадить на берегу Барнаулки аптекарский сад, а горноводские власти приткнули в этому саду тюрьму. То, что должно было служить адорью и кромешным мукам, естественно соседствовало.

Штильке иронично размышляют над услышанным пимокаты. Далеко жил Маркс, в немецкой земле, а будто видел, как безобразят Поляковы да Бухаловы: грош — работник, рубль — в карман. Грабители, лиходеи, а пузом вперед ходят.

— Итак, что такое прибавочная стоимость? — рассказывает Симанин. — Маркс дает такое определение...

По-своему, туда к коряве размыкают над услышанным пимокаты. Далеко жил Маркс, в немецкой земле, а будто видел, как безобразят Поляковы да Бухаловы: грош — работник, рубль — в карман. Грабители, лиходеи, а пузом вперед ходят.

Запальчивый «пан Вильковский» не выдерживает, вскакивает, стучит по столу пудовыми кулачницем:

— Штыком, бомбой нужно добывать правду!

— Товарищи! — звонко кричит молодой парень с тонкими, интеллигентными чертами лица. — Слушайте, товарищи!

Греми, мой молот
Беспощадный,
Как в небе первый венчий
гром,
Упорство ржавчины всеядной
Каскадом искер горы кругом!
Звени кольцо, с кольцом
слетаясь,
Рости крепчайше звено,
Концами в вечности теряясь,
Где все загадками полно.
...Тогда сгуща за эти звенья
И землю грязную встрагну,
И ось бытого уклонену.
Прамеж к солнцу поверну.
И будет мир преображеный
Объят великой красотой,
И сердце эжны обновленой
Ульется счастья полнотой.
Собрание одобрительно заму-
мело.

— Кто это? — тихо спросил у приятеля Архип Селезнев.

— Ваня Тачалов. Наш поэт. В газетах печатается.

Расходились возбужденные, унося с собой радостную припод-

нем бороться с законами. Даже Демидов князь Сан-Донато, щегольнув великолушем и «западничеством», соизволил прислать сто рублей. С законами бороться было труднее.

Общество намеревалось дать зачатки образования не только детям, но и взрослым. А воскресные школы были высочайше запрещены. На ходатайство разрешить народные чтения министр просвещения ответил категорически отказом. Даже спектакли разрешалось ставить не чаще четырех раз в год.

Штильке искусно выставлял впереди себя, как таракан, то городской голову Сухова, то начальника горных заводов Журина.

Медленно и трудно заполнялся перечень отвоеванного.

Вот он.

27 сентября 1885 года. В горной части города открыта первая бесплатная школа для детей*).

5 ноября 1885 года. Открыта бесплатная народно-школа и я библиотека.

2 декабря 1895 года. Открыт книжный склад при Обществе — для распространения полезных книг и картин среди народа*.

18 сентября 1896 года. На другой окраине города — в «Заячье» открыта вторая бесплатная школа.

21 декабря 1897 года. Открыты воскресные школы для взрослых.

31 января 1900 года. Открыты народные чтения с «стуманными картинами» (лекторий).

30 декабря 1900 года. Открыт Народный дом.**

Эти события потрясли застойную жизнь Барнаула. В воскресные школы пришли учиться даже 55-летние старушки. Народные чтения собирали до семисот человек.

Осмысливая эту неожиданность, пимокаты фабрикант Поляков с тревогой спрашивали:

* Тогда здесь зияла начальная школа.
**) В этом здании помещается краидрамтеатр.

«Стал быть, ежели он, сукин сын, выучится, то мне его, сукина сына, на «вы» величать?»

Низринем срага его — тьму. Дадим ему свет и свободу. И счастье добудем ему.

6.

Брызнуло солнце, заверещали птицы в бересняке на Песках. Наступила праздничная троицын день 1905 года. Нарядные мещанки высокочили от утренних самоваров — ломать березки. Натыкали ветки в цепи над калитками, в пазы под застреками — зелено, празднично!

Мещанский староста Киприянов употреблялся подовыми пирогом со свининой и сырьем рягой. На улице уже рыпела гармонь. Трезвонили церковные колокола. Благослов на душу у мещанского старосты. Сытый до гладкости — чего еще надо! Вот разве в Дунину рощу* сходить. Гулянье там сегодня.

Дунинская роща — густая, сосновая, западистая. Называлась она так потому, что в той роще солдаты озоровали и загубили Дуньку, расхожую бабу. К троицын дню откудали в роще кукушка над кукушками слезаками, высунувшие грибы из под желтой хвои.

И Ницкевская суму.

Симанин возвысил голос.

— Рабочий человек как до войны гнул спину на багаеве, так и после войны будет гнуть.

— Полицейский! — завопил мещанский староста Киприянов.

— Погоды-ка! — остановили его из толпы. — Значит, наших пять потопто! Это пошта так?

Шуманов приструнился.

— А потому они, братцы, по-топли, что наш вице-адмирал Рождественский святые монии в кармане штанов носил, а штаны все дома оставил. Запамятовал по слабоумию.

Но пригорке уже крутилась под цыганский бубен развеселая карусель. Синели дымком самовары под соснами. Пили чай и «смирновку», и шустовский коньяк, — кому что по карману. Горланяли песни. Любезничали с девицами. Били морду воришке. Бесело, празднично!

У полицейского — свои заботы. В который раз он проходит мимо кучки подозрительных людей.

— На этом месте построено новое здание политехнического института.

(Продолжение следует).

Центром культурной работы в

И. ТАЧАЛОВ.

Правник — а они ни в одном глазу. И еще с газетой.

Неподалеку от карусели стояли Симанин, Шуманов, Долгополов, топограф Веронский и заведующий воскресной школой Семьянин.

Симанин энергично жестикулировал.

— Последние телеграммы с театра военных действий! Потрясающие известия!

— О чем они там? — любопытствовала публика.

— Представление будет казать! — сбежались ребяташи.

— Читай громче, — сказал Семьянин. — Пусть люди знают правду о войне.

Газеты сдержанно сообщали о Цусимской трагедии. Симанин комментировал. Народ обступил плотнее.

— За что кровь проливаем? Кому она нужна, эта война? Рабочему человеку разве она нужна? Что он от нее будет иметь?

— Три арии земли, — проба-сил Долгополов, опираясь на массивную тостью.

— Хозяйскую оплеуху, — добавил Шуманов.

— Ницкевскую суму.

Симанин возвысил голос.

— Рабочий человек как до войны гнул спину на багаеве, так и после войны будет гнуть.

— Полицейский! — завопил мещанский староста Киприянов.

— Погоды-ка! — остановили его из толпы. — Значит, наших пять потопто! Это пошта так?

Шуманов приструнился.

— А потому они, братцы, по-топли, что наш вице-адмирал Рождественский святые монии в кармане штанов носил, а штаны все дома оставил. Запамятовал по слабоумию.

Но толпе прошел гоготок. И вслед за ним то здесь, то там запамятовали, простираясь вперед, загорланы.

— Супротив бога! Супротив царя-батюшки!

— Это смутьяны, политики! — надрывался мещанский староста.

— Бей их!

Перед грозой

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

(Окончание. Начало в № 156, 157.)

— Бе-е! — подхватили в разных концах красноречие монахи, торговцы и хулиганы. Толпа зашумыхала, обыватели поспешили — подальше от греха. Агитаторы оказались лицом к лицу с пьяным бородом.

Алеха, в солдатской погоне-переметной рубахе, тоже совалась вперед и кричала:

— Не харкай на русское воинство!

И размахивал кулаками.

Обстановка накалялась. Кучка готовых ко всему людей сдергивала наседающую толпу своей суперечимостью. Разрядка наступила внезапно. Какой-то хулиган ударом кулака сбил с Симаннина шапку. Долгополов яростно свернул глазами и замахнулся тростью. Хулиган фавил.

Со стороны «Московского» проспекта глухо затонали колпыта — начался отряд конной полиции. Разрядка наступила внезапно. Какой-то хулиган ударом кулака сбил с Симаннина шапку. Долгополов яростно свернул глазами и замахнулся тростью. Хулиган фавил.

Со стороны «Московского» проспекта глухо затонали колпыта — начался отряд конной полиции. Отбиваясь, агитаторы с трудом выскользнули из окружения. А тем временем срочно вызванные солдаты оцепили улицы — 3-ю и 4-ю Алтайские. Но «смутьянов» так и не удалось задержать.

Первая стычка разогрела революционный запал. К вечеру Симаннина, Долгополова — весь в синих, Шуманова и их товарищи появлялись в городском саду.

Изразц оркестр. Публика тутльяла по аллеям, посыпывая пахитоски и ландрины. И вдруг перед глазами гуляющих выросла фигура Симаннина.

— Товарищи! Сегодня жандармерия и полиция избили нас за свободное слово. До каких пор будем терпеть такое наглое насилие? Теснее сплачивайтесь в единую революционную семью!

— Молчать! — раздался сильный голос. Не нужно было оглядываться, чтобы понять, кому он принадлежит.

Жандармы бесцеремонно раздвигали собиравшуюся толпу.

Но тут медным звоном рассыпались литавры, и грянул неожиданный и невероятный в этой обстановке революционный марш:

Вихри враждебные веют

над нами...

Жандармы бросились к оркестру. А трубы премолот торжественно и победно:

Но мы поднимем гордо

и смело

Знамя борьбы за рабочее

дело...

И, сливаясь с торжественной музыкой, раздались громкие, ликующие звуки. Они набегали со всех сторон.

Люди аплодировали.

Люди приветствовали наступающую революцию.

...На очередной сходке было решено с новыми усилиями продолжать революционную борьбу. Михайлов собирался в Томск для утверждения Барнаульской социал-демократической организации.

Семен Федотович Долгополов осваивал тектограф.

Жандармы с ног сбились, ра-

зыкали подпольную печатию, откуда выходили и растекались по городу «возмутительные» листовки.

В середине августа 1905 года была создана и начала функционировать барнаульская группа РСДРП. В то время в городе насчитывалось около ста членов партии. Весной 1906 года их было уже свыше 300 человек, а в середине 1907 года — свыше пятисот.

7.

В один из летних дней 1905 года забастовали барнаульские приказчики. Они требовали установить девятничасовую рабочий день. Бастовала целую неделю. Купцы подсчитывали убытки. Подсчитав, решили, что выходят накладно, и удовлетворили бастующих.

А в октябре торговые служащие выдвинули новые требования: восьмичасовую рабочий день, ограничение труда для подростков, отпуска, пособия семьям умерших; гарантированный заработок.

И. СИМАНИН.

Владельцы магазинов и представители фирм отказали. Строптивых уволили. Тогда приказчики сошли на собрание, объявили забастовку и вышли на улицу с требованием закрыть все торговые заведения. К ним присоединились рабочие. Хозяева струхнули и попали на уступки. А чтобы не остаться в паклаже, повысили цены на товары. Языкастая челядь привилась мутные обывателей: «Это все политики натворили».

Город жил предчувствием революционной грозы. Группа РСДРП знакомила рабочих с неизвестной литературой. И когда напуганный революцией царь издал манифест 17-го октября, многие уже понимали истинную цену этому документу.

Многие, но не все. Монархисты трубили о «монархии милости».

Михайлов взволнованно ходил по комнате. Холодно, зябко. За окном уже кружились белые муки. Накинул студенческую шапель. Раскрыл последнюю брошюру, доставленную томским комитетом. В глаза бросились заключительные слова:

«Правительство думало запугать народ видом крови и массово жертв уличных схваток — на самом деле оно отчает народ от

страха перед пролитием крови, перед прямым вооруженным столкновением... Да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!»

И. ЛЕНИН.

Теперь ясно: правительство изменило тактику, пробует загрызать с народом. Отсюда и «манифест» — лживый с первой до последней строкой.

«Нужно, чтобы массы поняли это», — думает Михайлов, плотно защемив убытки. Подсчитав, решили, что выходят накладно, и удовлетворили бастующих.

Афиши обещали интересный спектакль. Народный дом был полон. Передние ряды сидели бриллиантами и благородными лыснями. На галерке лузгали синечки и стучали дегтярными самогонами. Здесь сидел пролетарский люд. Отсюда пошла гулять по свету залихватская песенка: «Я с галерки полетел, лягнул барыню задел. Политеатр дал мне в ухо, а я его — паптам в брюху».

— Ребята, наши пришли! — радостно крикнул кто-то.

В зале появился Михайлов, Симанин, Верховский, Зимачев, а за ними, громко топча, человек сто пимокатов. «Чистая публика» встревоженно озиралась.

Михайлов поднялся на сцену.

— Спектакль отменяется! Сегодня Народный дом принадлежит работому классу!

Полицейские у дверей переминаются с ноги на ногу. Они расстремились и не знают, что делать. Лысые головы трусливо втягиваются в плечи.

Лица у пимокатов торжественные и суровы.

— Господа, может быть, нам уйти? — перешептываются в первых рядах. Но проходы загромождены сурворми и торжественными фигурами. И вдруг над головами поплыло азотное знамя. Его передавали из рук в руки, подымая все выше и выше. На занавесе — словно молнией начертанные ослепительные слова: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая Республика!»

— Долой самодержавие! — яростно подхватывают рабочие.

— Долой полицию!

Полицейских будто ветром сдуло.

Зад гудел, уже никто не мог спокойно сидеть, люди поднялись, охваченные мощным неподавляемым чувством. Это было восторг борьбы, переполняющий сердца.

А Михайлов говорил, будто гвозди заколачивал, слово за словом:

— Царь хочет обмануть народ. Его манифест не дает никаких свобод, это гнусная и наглая ложь!

— Позвольте! — раздалось в первых рядах и на сцену выскочил элегантный господин в черной треугольке. Это был присяжный поверенный Черняков. — Господа, что может быть печальнейшей благодарности?.. Государь зарвал нам свободу. Как истинные сыны России отнесемся к монар-

хий милости с благоговением и благодарной слезой.

Масштабный, селой «плака Вильковский» оттер господинчик племянником и поднял свои огромные кулачи.

— Хватай, напакалися! Наша благодарность может быть выражена только штыком!

Грянула «Марсельеза». Людской поток хлынул из Народного дома. А впереди колыхалось знамя — первое красное знамя на улицах Барнаула. Это было 20 октября (3 ноября) 1905 года.

Два дня бурлил революционный Барнаул. На улицах и площадях возникали легчайшие митинги. До двух тысяч человек собирались на Демидовской площади*. Отсюда пошли в Зайсанский район. К рабочим присоединились крестьяне, приехавшие на рынок. В воздухе кружились листки провозглашения. Их жадно хватали, громко читали, а неграмотные бережно прятали за пазуху.

— Мало наката!, — скривился Долгополов. — Надо было побольше.

— Ступайте в типографию и потребуйте отпечатать, — сказал Михайлов. — Именем революции!

В типографии наборщики опасливо покосились на текст.

— Так и набирай?

Смотрели, глазам не веря, пока не дошел волнующий смысл событий.

— Так и набирай! — радостно гаркнул метрополит. — «Долой самодержавие!»

И первый потянулся к свинцовым литерам.

8.

Афиши обещали интересный спектакль. Народный дом был полон. Передние ряды сидели бриллиантами и благородными лыснями. На галерке лузгали синечки и стучали дегтярными самогонами. Здесь сидел пролетарский люд. Отсюда пошла гулять по свету залихватская песенка: «Я с галерки полетел, лягнул барыню задел. Политеатр дал мне в ухо, а я его — паптам в брюху».

— Отшиши, мол, воин Алекса кровь прорызил за парня и отечество и к работе теперича плохо способен. Вспомоществование просит.

— А фамилию твою как пишать?

— Да лыжу ее у меня, фамилии-то. По отцу Ивановым кличут, а фамилии нету.

Василиса таскала хворост из леса, топила батыкку, поддавала парку.

А вспомоществование все не было.

Как-то Мишка, мясник сын, забрел в башню, распаршил запертую рожу и — по секрету, подмигивая:

— Покажи солдатскую удачу — птичку заробишь. Социали-

*). Теперь здесь сквер.

стов учить собираемся. Батык ведро водки сунут. А пятитка — вот она, на, держи.

В соборе протоиерей Анемпидист служил благодарственный молебен по случаю дарованного манифеста. «Милоте лята-а!» — зычно возглашал он, искоса наблюдал, как из рук в руки передаются хоругви и парские портреи. Паства истово молились, подтаскивали хоругви. Молились купеческие сыны, доверенные купцы и чиновники, молились юные младенцы, опущенные в карманах кастеты и гирьки.

— Хватай, напакалися! Наша благодарность может быть выражена только штыком!

Грянула «Марсельеза». Людской поток хлынул из Народного дома. А впереди колыхалось знамя — первое красное знамя на улицах Барнаула. Это было 20 октября (3 ноября) 1905 года.

Два дня бурлил революционный Барнаул. На улицах и площадях возникали легчайшие митинги. До двух тысяч человек собирались на Демидовской площади*. Отсюда пошли в Зайсанский район. К рабочим присоединились крестьяне, приехавшие на рынок.

— Хватай, хлыся, хлыся! Упал, покатился кубарем, воя не столько от пади, сколько от чего-то другого, нестерпимо жгучего, раздирающего прут.

— Братя- заводчики, чуя недоброе, вызвали казаков. Казаки подоспели вовремя. Налипали птицы. Свистнули птицы. Погромщики с диким ревом кинулись, кто куда.

Один Алеха не спешил убегать. Он выпихивал тонущую грудь, гордый своей службой государя.

— Хлыся — Кожаный жгут смахнул полосу его по лицу.

— За что? — взвыл Алеха, а в ответ — хлыся, хлыся! Упал, покатился кубарем, воя не столько от пади, сколько от чего-то другого, нестерпимо жгучего, раздирающего прут.

— Братя! Алеха, Иванов сын, Долгополов. — Кожаный жгут смахнул полосу его по лицу.

Процессия направлялась к реальному училищу. Дюжине молодцов приклады валились и горлышиком откуда-то добывались бутылок. Оркестр рвались на Демидовскую площадь.

У дюжине молодцов выиграл патриотический дух. Привычно тесались руки.

На крыльях училища кучка реалистов с любопытством глядела на процессию. Они были в шапках и по-пасхальному затревожены.

— Надо было вспомнить, в каком доме был снят со стены броненосец государя был снят со стены броненосца в нехорошем месте, и выходит из этого Народного дома большая масса людей с красными флагами с надписью на них разных слов: «Преслушки, долой монархию», и пели разные марсельезы.

...А потому с посыпкой этого приговора просим господина барнаульского исправника не допускать в этот дом никаких собраний, или верней закрыть его совсем.

Реакция победила. Купечество служило по первым благодарственным молебнам. Освятил свой новый пассаж, занявший пустынную квартиру, торговец Смирнов. Победорвали, подняли головы перепутанные чиновники.

Пимокаты посуревели, а когда глядели на хозяев, в глазах загорались недобрые огоньки.

Революция не погибла, она только ушла в народную глубину.

Она будет!

станицы «Россия» Заводину. Оттуда — я зивоваренный завод Борисовы.

Братя- заводчики, чуя недоброе, вызвали казаков. Казаки подоспели вовремя. Налипали птицы. Свистнули птицы. Погромщики с диким ревом кинулись, кто куда.

Один Алеха не спешил убегать. Он выпихивал тонущую грудь, гордый своей службой государя.

— Хлыся — Кожаный жгут смахнул полосу его по лицу.

— За что? — взвыл Алеха, а в ответ — хлыся, хлыся! Упал, покатился кубарем, воя не столько от пади, сколько от чего-то другого, нестерпимо жгучего, раздирающего прут.

Получай, Алексей, Иванов сын, Долгополов. — Кожаный жгут смахнул полосу его по лицу.

Революционное движение в Барнауле было свирепо подавлено. Симаннина, Вильковского, Долгополова и других бросили в тюрьму. Михайлову и Зимачеву удалось скрыться. Отсидевшись несколько дней на яичной квартире Александра Денисовича Варсильева, они темной ночью выехали в Томск.

Мещанский староста Киприянов, высунув от усердия язык, старательно писал:

«В настоящее время Народный дом оказался совсем не тем, к которому должен служить, в него стали собираться люди те, которые опровергают, как-то: бога нет, государя не надо, а находившийся там портрет государя был снят со стены броненосца в нехорошем месте, и выходит из этого Народного дома большая масса людей с красными флагами с надписью на них разных слов: «Преслушки, долой монархию».

...А потому с посыпкой этого приговора просим господина барнаульского исправника не допускать в этот дом никаких собраний, или верней закрыть его совсем».

Реакция победила. Купечество служило по первым благодарственным молебнам. Освятил свой новый пассаж, занявший пустынную квартиру, торговец Смирнов. Победорвали, подняли головы перепутанные чиновники.

Пимокаты посуревели, а когда глядели на хозяев, в глазах загорались недобрые огоньки.

Революция не погибла, она только ушла в народную глубину.

Она будет!